

EOC
EUROASIAN
ONLINE
CONFERENCES

ENGLAND CONFERENCE

**INTERNATIONAL CONFERENCE ON
MULTIDISCIPLINARY STUDIES AND
EDUCATION**

Google Scholar

zenodo

OpenAIRE

doi digital object
identifier

eoconf.com - from 2024

INTERNATIONAL CONFERENCE ON MULTIDISCIPLINARY STUDIES AND EDUCATION: a collection scientific works of the International scientific conference – London, England, 2026. Issue 1

Languages of publication: Uzbek, English, Russian, German, Italian, Spanish

The collection consists of scientific research of scientists, graduate students and students who took part in the International Scientific online conference «**INTERNATIONAL CONFERENCE ON MULTIDISCIPLINARY STUDIES AND EDUCATION**». Which took place in London , 2026.

Conference proceedings are recommended for scientists and teachers in higher education establishments. They can be used in education, including the process of post - graduate teaching, preparation for obtain bachelors' and masters' degrees. The review of all articles was accomplished by experts, materials are according to authors copyright. The authors are responsible for content, researches results and errors.

Прагматические функции речевых актов выражения эмоций в современной лингвистике. Соотношение языка и контекста.

Абдурахимова Ноила Абдухалил кизи,

Преподаватель английского языка

Национальный университет имени Мирзо Улутбека

E-mail:nellynelly9160@gmail.com, Tel: (95) 349 28 07

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу прагматических функций речевых актов, выражающих эмоции, в рамках современной лингвистической парадигмы. Исследуется, каким образом эмоциональные высказывания выполняют не только функцию передачи внутреннего состояния говорящего, но и ряд других интенций: воздействие на адресата, управление дискурсом, создание и поддержание социальных связей, выражение оценки и др. Особое внимание уделяется неразрывной связи между языковой формой выражения эмоции и широким экстралингвистическим контекстом, включающим ситуативные, культурные, социальные и когнитивные факторы. На основе анализа современных теорий и конкретных языковых данных доказывается, что полное понимание эмотивного высказывания невозможно без учета его прагматической укорененности в конкретной коммуникативной ситуации. Работа носит междисциплинарный характер, интегрируя подходы прагмалингвистики, теории речевых актов, лингвокультурологии, дискурс-анализа и социалингвистики.

Ключевые слова: речевые акты выражения эмоций, эмотивность, прагмалингвистика, прагматические функции, коммуникативный контекст, теория речевых актов, лингвокультурология

Введение. От эмоции как состояния к эмоции как действию. Традиционно эмоции рассматривались как глубоко личные, внутренние психофизиологические состояния, лишь с трудом поддающиеся вербализации. Лингвистика долгое время отводила им периферийную роль, изучая преимущественно семантику эмоциональной лексики (типа «радость», «гнев», «печаль») или стилистические средства выразительности. Однако с «прагматическим поворотом» во второй половине XX века фокус внимания сместился с языка как системы на язык как инструмент действия в конкретных социальных ситуациях. В рамках этого подхода речевой акт, выражающий эмоцию, перестал быть простым «слепком» внутреннего переживания. Он стал рассматриваться как целенаправленное социальное действие, совершаемое говорящим в определенном контексте для достижения специфических коммуникативных целей [Searle, 1969: 54]. Таким образом, ключевым тезисом современной лингвистики является утверждение, что высказывания типа «Я в ярости!», «Как прекрасно!» или «Мне так грустно» никогда не произносятся в коммуникативном вакууме. Они всегда прагматически нагружены и ориентированы на слушающего, на ситуацию, на культурные нормы и на отношения между участниками

диалога. Их основная функция может состоять не столько в информировании о состоянии говорящего (хотя эта функция, безусловно, присутствует), сколько в упреке, призыве к сочувствию, попытке изменить поведение собеседника, укреплении солидарности или, наоборот, обозначении конфликта. Цель данной статьи — представить систематический обзор и анализ всего спектра прагматических функций, которые выполняют речевые акты выражения эмоций (далее — Эмотивные Речевые Акты, ЭРА), и детально раскрыть механизмы, благодаря которым контекст детерминирует как их интерпретацию, так и их успешность. Мы утверждаем, что связь между языковой формой ЭРА и его прагматической функцией не является прямой и однозначной; она опосредована сложной сетью контекстуальных факторов, которые и превращают буквальное значение высказывания в конкретное коммуникативное действие. Для этого мы рассмотрим теоретические основы изучения ЭРА в прагмалингвистике и теории речевых актов; многообразие их прагматических функций, выходящих далеко за рамки экспрессивного акта по Дж. Остину и Дж. Серлю; типологию контекстуальных факторов (ситуативных, социальных, культурных, когнитивных) и их роль в формировании значения ЭРА; стратегии косвенности и имплицитности в выражении эмоций; особенности ЭРА в различных дискурсивных сферах. Методологическую основу работы составляют принципы прагмалингвистического и дискурсивного анализа, позволяющие изучать язык «в действии».

Основная часть. Теоретические предпосылки: ЭРА в парадигме прагмалингвистики. В классической теории речевых актов Джона Серля, развивающей идеи Джона Остина, эмоциональные высказывания попадают в категорию экспрессивов (*expressives*). Иллокутивная цель экспрессива заключается в выражении психологического состояния, заданного условием искренности, относительно положения вещей, специфицированного пропозициональным содержанием [Searle, 1976: 12]. Например, извинение выражает сожаление, благодарность — благодарность, поздравление — радость за другого. Успешность экспрессива связывается с искренностью говорящего. Однако уже в рамках этой классификации стала очевидной её ограниченность применительно к эмоциям. Во-первых, Серль фокусировался на стандартизированных, почти ритуальных актах (извинения, благодарности), где эмоция является предписанной нормой. Во-вторых, его модель не учитывала, что одно и то же высказывание может одновременно выполнять несколько иллокутивных функций. Фраза «Я в шоке от твоего поступка!» формально является экспрессивом (выражает состояние шока). Но в реальной коммуникации она с высокой вероятностью будет интерпретирована как репрезентатив (констатация факта низкой оценки поступка), директива (скрытый призыв к объяснению или извинению) и даже комиссив (угроза изменения отношений) [Caffi & Janney, 1994: 328]. Современные исследователи показывают, что «чистых» экспрессивов в

живой речи крайне мало. Эмоция редко выступает как самоцель высказывания; она вплетена в ткань других социальных действий. Поэтому прагматический анализ ЭРА требует выхода за узкие рамки серлевской классификации и рассмотрения широкого спектра смешанных или косвенных иллокутивных актов, где эмоциональная окраска модифицирует или усиливает основную интенцию. Понятие эмотивности было детально разработано в рамках лингвистической школы В.И. Шаховского. Эмотивность понимается как имманентная (т.е. неотъемлемо присущая) семантико-прагматическая характеристика языковых единиц всех уровней, отражающая их способность выражать, обозначать, описывать или вызывать эмоции в процессе коммуникации [Шаховский, 2008: 45]. Важнейшим для нашего исследования является прагматический аспект этого определения: эмотивность реализуется не в системе языка, а в процессе его использования, в акте коммуникации. Таким образом, ЭРА — это вербальная актуализация эмотивности на уровне дискурса. Прагматика изучает, как, с какой целью и при каких условиях эта актуализация происходит. В.И. Шаховский выделяет прагматические функции эмотивных знаков: апеллятивную (воздействие на адресата), фатическую (установление и поддержание контакта), аксиологическую (оценка) и др., что напрямую перекликается с анализом функций целых речевых актов [Шаховский, 2008: 78]. Если в семантике значение слова относительно стабильно, то в прагматике значение высказывания рождается в момент его интерпретации адресатом, и ключевую роль в этой интерпретации играет контекст. Для анализа ЭРА необходимо рассматривать контекст в его максимально широком понимании, включающем: лингвистический контекст (ко-текст): предшествующие и последующие высказывания, общая тема дискурса; ситуативный контекст: физическое место и время коммуникации, присутствующие лица, непосредственно предшествующие события; социальный контекст: социальные роли, статус, степень знакомства и симметрии/асимметрии между коммуникантами; культурный контекст: нормы и сценарии выражения и сокрытия эмоций, принятые в данной лингвокультуре («эмоциональные режимы»); когнитивный (интерсубъективный) контекст: общие фоновые знания, ожидания, представления и опыт, разделяемые участниками коммуникации. Именно контекст решает, будет ли фраза «Ну ты молодец!» искренней похвалой (экспрессив + вердиктив) или язвительной иронией, выражающей раздражение и осуждение (экспрессив + репрезентатив о негативной оценке + косвенный директив). Без учета интонации, отношений между говорящими и предшествующей ситуации (например, собеседник только что разбил вазу) интерпретация невозможна.

Многообразие прагматических функций Эмотивных Речевых Актов. Исходя из интегративного подхода, мы выделяем следующие ключевые прагматические функции ЭРА, которые часто сосуществуют в одном высказывании. Интерактивно-регулятивная функция (Управление

поведением и дискурсом). Это одна из самых частых и мощных функций ЭРА. Эмоциональная окраска высказывания служит инструментом воздействия на адресата с целью изменить его поведение, мнение или ход дискурса. Это проявляется в косвенных директивах и запретах: «Меня **бесит**, когда ты перебиваешь!» (прямая функция: выражение гнева; прагматическая: требование прекратить перебивать). Эмоция (гнев) служит обоснованием для директивы, усиливая ее. В стимулировании действия: «Я был бы **безмерно счастлив**, если бы ты помог». Эмоция (счастье, представленное как будущий результат) выступает в качестве положительного подкрепления, поощряя действие. В управлении вниманием и тематизации дискурса: Восклицание «**Ужас!**» или «**Невероятно!**» часто маркирует важность информации для говорящего и призывает собеседника уделить ей особое внимание, переключив фокус дискурса [Goffman, 1981: 112]. Оценочно-аксиологическая функция. ЭРА практически всегда несут в себе оценку — объекта, события, лица или действия. Эта оценка может быть явной («Это отвратительно!») или скрытой в подтексте. Например, моральная и социальная оценка: Выражение возмущения («Это возмутительно!») не только передает эмоцию, но и выносит вердикт о нарушении неких принятых норм или принципов. Или формирование групповых ценностей: Коллективное выражение радости по поводу успеха или негодования по поводу несправедливости служит сплочению группы вокруг общих ценностей и укреплению групповой идентичности. Фатическая функция (Установление, поддержание и регулирование социальных связей). Согласно теории П. Браун и С. Левинсона о вежливости, выражение эмоций — ключевой инструмент работы с «лицом» (face) коммуникантов. Это проявляется в положительной вежливости: Выражение симпатии, радости от встречи, восхищения собеседником («Я так рад тебя видеть!», «Ты великолепно выглядишь!») служит удовлетворению позитивного «лица» адресата (его потребности в одобрении и принадлежности) и сокращению социальной дистанции [Brown & Levinson, 1987: 103]. В отрицательной вежливости и смягчении: Выражение сожаления или неуверенности часто смягчает силу Face-Threatening Acts (FTA — актов, угрожающих «лицу»), таких как критика или отказ. «Мне **очень жаль**, но я не могу согласиться» звучит менее конфронтационно, чем прямое «Я не согласен». В регуляции интимности: Дозированное выражение глубоко личных эмоций (доверия, любви, разочарования) является маркером уровня близости отношений. Их сокрытие, напротив, поддерживает формальную дистанцию. Самопрезентационная функция (Конструирование образа говорящего). Через ЭРА говорящий проецирует в коммуникативное пространство определенный образ своего «Я» (identity). Это может быть демонстрация компетентности и вовлеченности: Энтузиазм, удивление, интерес могут представлять говорящего как эксперта, глубоко погруженного в тему, или как приятного, эмоционально отзывчивого собеседника. Сигнализация об аффилиации или

оппозиции: Выражение эмоций, созвучных групповым, маркирует принадлежность к коллективу. Выражение эмоций, противоречащих общему настрою (скепсис, грусть на празднике), может позиционировать говорящего как независимую или конфликтную личность. Управление впечатлением: Демонстрация «правильных» (с точки зрения ситуации) эмоций — сочувствия на похоронах, радости на свадьбе — является социальным навыком и работает на поддержание репутации. Катартическая и терапевтическая функция. Эта функция более ориентирована на самого говорящего, но также имеет прагматическое измерение, так как предполагает определенную реакцию адресата. Это вербализация как разрядка: Произнесение «Я в ярости!» или «Мне так больно!» может служить способом снижения эмоционального напряжения, своеобразным «выпуском пара». И запрос на эмпатию и поддержку: Рассказывая о своих переживаниях, говорящий часто неявно ожидает от слушающего эмпатического отклика, подтверждения значимости его чувств, что является формой социальной поддержки и ведет к укреплению связей. Игровая и креативная функция. Эмоции могут выражаться не только «всерьез», но и в рамках игрового, эстетического или юмористического режима общения. Например, ирония, сарказм, сатира: В этих случаях буквальное эмоциональное значение высказывания инвертируется или гиперболизируется для создания комического или критического эффекта. Понимание требует от адресата сложной контекстуальной интерпретации. Или поэтическая и художественная речь: Эмоциональная экспрессия здесь подчинена эстетическим задачам, служит созданию художественного образа и воздействию на эмоциональный мир реципиента. Таким образом, прагматические функции ЭРА образуют сложную, многослойную систему. Одно краткое эмоциональное восклицание может одновременно оценивать ситуацию, регулировать поведение собеседника, демонстрировать солидарность и конструировать образ говорящего как эмоционально живого человека.

Контекст: Механизмы опосредования между формой и функцией. Как именно контекст позволяет нам извлекать из эмоционального высказывания именно те прагматические смыслы, которые вкладывал (или не вкладывал) говорящий? Рассмотрим ключевые механизмы. Ситуативный контекст и физическая среда включает предшествующие события: ЭРА почти всегда является реакцией. Интерпретация «Спасибо!» зависит от того, что произошло до этого: вам подали чашку кофе или спасли жизнь. Невербальные сигналы (паралингвистика): Интонация, громкость, тембр, паузы, мимика, жесты, поза — все это неотъемлемая часть контекста ЭРА. Одна и та же фраза «Поздравляю», произнесенная с теплой улыбкой и с ледяной интонацией, будет иметь противоположные прагматические значения. Исследования П. Экмана показали универсальность базовых эмоциональных выражений лица, но их интерпретация и допустимость

демонстрации регулируются культурными «правилами отображения» (display rules) [Ekman, 2003: 57]. Физическое пространство: Выражение страха или радости в безопасной домашней обстановке и в экстремальной ситуации (например, при катастрофе) будет иметь разную прагматическую силу и интерпретироваться соответственно. Социальный и ролевой контекст включает статус и власть: Выражение гнева начальником к подчиненному и подчиненным к начальнику — это два принципиально разных речевых акта с разными прагматическими рисками и последствиями. Первое может восприниматься как допустимый директив или злоупотребление властью, второе — как неповиновение или скандал. Степень близости (солидарность): между близкими друзьями допустимо прямое и даже гиперболизированное выражение эмоций («Ненавижу тебя!» как шутливая реакция на подкол), которое в формальных отношениях было бы грубым нарушением. Социальная дистанция требует большей сдержанности или использования конвенциональных, ритуализованных ЭРА (формальные соболезнования, поздравления). Гендерные ожидания: социально сконструированные нормы часто предписывают разные «эмоциональные репертуары» для разных гендеров (например, большая допустимость выражения печали для женщин и гнева для мужчин в некоторых культурах), что влияет на порождение и интерпретацию ЭРА. Культурный контекст: Эмоциональные стили и сценарии. Культура задает «грамматику» эмоционального выражения. Это проявляется в концептуализации эмоций: Сами категории эмоций и их значение различаются. Например, русская «тоска» или португальская «saudade» не имеют точных эквивалентов во многих других языках и предполагают особые сценарии их выражения [Wierzbicka, 1999: 34]. В ценностных ориентациях: Культуры, ориентированные на коллективизм (например, многие восточноазиатские), могут поощрять сдержанность в выражении сильных личных эмоций, особенно негативных, чтобы не нарушать групповую гармонию. Индивидуалистические культуры более терпимы к открытой вербализации личных переживаний. В сценариях (scripts) выражения эмоций: Культура предоставляет готовые, узнаваемые сценарии для определенных ситуаций: что и как говорить, выражая соболезнование, извиняясь, делая предложение руки и сердца. Отклонение от сценария может быть интерпретировано как неискренность или странность. Когнитивный и интересубъективный контекст включает фоновые знания и пресуппозиции: Успешная интерпретация ЭРА требует общих знаний между коммуникантами. Шутливое «Опять ты со своими идеями!» с выражением добродушного раздражения будет понятно только тому, кто знает, что у собеседника часто бывают нестандартные идеи. Теорию сознания (Theory of Mind): Способность приписывать собеседнику психические состояния (знания, намерения, эмоции) и понимать, что они могут отличаться от наших собственных, лежит в основе интерпретации косвенных и ироничных ЭРА. Чтобы понять сарказм, адресат должен распознать несоответствие между

буквальным значением слов и предполагаемыми реальными чувствами говорящего, которые он может вывести из контекста. Эмоциональный интеллект: Способность адресата распознавать, понимать и управлять как своими, так и чужими эмоциями напрямую влияет на успешность декодирования прагматических функций ЭРА и выбор адекватного ответа. Таким образом, контекст выступает не просто «фоном», а активным со-творцом значения эмоционального высказывания. Он предоставляет набор ключей для декодирования скрытых интенций, фильтрует возможные интерпретации и определяет социальную уместность самого акта.

Стратегии косвенности и имплицитности в ЭРА. Прямое название эмоции («Я злюсь», «Мне грустно») — лишь один из множества способов ее выражения. Чаще эмоции передаются косвенно, через описание ситуации, оценку, метафору, вопрос или даже молчание. Эти стратегии служат сложным прагматическим целям. Причины использования косвенных ЭРА включают соблюдение вежливости и смягчение ФТА: Косвенное выражение негативной эмоции (раздражения, разочарования) менее угрожает «лицу» адресата. Вместо «Твоя работа никуда не годится» можно сказать: «Я немного озадачен тем, как выполнена эта часть» (эмоция замещена более мягкой, критика имплицитована). Эмоциональную сдержанность и соблюдение норм: В культурах, где открытое выражение эмоций не поощряется, косвенность становится нормой. Эмоция может передаваться через физиологические симптомы («У меня ком в горле») или через описание внешних обстоятельств («На улице такая слякоть и тоска» вместо «Мне тоскливо»). Интенсификацию воздействия: иногда имплицитное выражение может быть сильнее явного, так как заставляет адресата проделать интерпретационную работу и самостоятельно «додумать» эмоцию, что усиливает эффект. Ироничное «Ну просто прекрасно!» в ответ на провал может выражать более сильный гнев, чем прямое «Я в ярости». Креативность и эстетику: Поэтические и художественные тексты строятся на косвенных, образных способах передачи эмоций. Основные средства косвенного выражения эмоций: Метафоры и сравнения: «Он кипел от злости», «У меня камень на душе», «Чувствую себя разбитым». Оценка причин или следствий эмоции: вместо «Я разочарован твоим решением» — «Это решение приведет к плачевным результатам». Эмоция имплицитруется через негативную оценку объекта. Риторические вопросы и восклицания: «Да как ты мог?!» (выражает возмущение и упрек), «Неужели?!» (выражает крайнее удивление, часто скептическое). Модальные конструкции и частицы: «Мне пришлось этим заниматься» (имплицитует досаду и нежелание), «Уж очень ты сегодня хорош!» (частица может указывать на иронию или сарказм). Нарушение максим Грайса: Согласно Полу Грайсу, успешная коммуникация основана на соблюдении максим количества, качества, отношения и способа. Намеренное их нарушение порождает **импликатуры** — дополнительные, невысказанные смыслы. Например, на вопрос «Как тебе фильм?» следует ответ: «Актеры хорошо сыграли» (нарушение максимы отношения: говорящий не говорит о фильме в целом, имплицитую, что фильм ему не понравился, но он не хочет говорить об

этом прямо) [Grice, 1975: 45]. Косвенные ЭРА представляют наибольший интерес для прагматического анализа, так как их интерпретация целиком и полностью зависит от учета контекста и общих знаний коммуникантов.

ЭРА в различных типах дискурса. Прагматические функции и контекстуальные условия реализации ЭРА существенно варьируются в зависимости от сферы общения. В бытовом (повседневном) дискурсе наиболее широко представлен весь спектр функций, особенно интерактивно-регулятивная и фатическая. Контекст часто является общим и разделяемым, что позволяет широко использовать косвенные и ироничные формы. Нормы выражения эмоций регулируются преимущественно межличностными отношениями, а не жесткими институциональными правилами. В институциональном дискурсе (медицинский, педагогический, юридический, политический) наблюдается специализация. В медицинском: Выражение эмпатии и поддержки со стороны врача («Я понимаю, как вам больно/страшно») является важной частью терапевтического альянса. Однако избыточная эмоциональность врача может восприниматься как непрофессионализм. Пациент же через описание эмоций и физических ощущений («Меня тошнит от страха», «Давит в груди») осуществляет важнейшую диагностическую функцию. В педагогическом: Учитель может использовать выражение одобрения и радости («Я горжусь вами!», «Здорово придумано!») как мотивирующий инструмент (регулятивная функция). Выражение разочарования или удивления («Я удивлен таким низким уровнем подготовки») часто служит косвенной критикой и директивом к улучшению. В политическом: ЭРА здесь тщательно сконструированы для массового воздействия. Выражение гнева по отношению к оппонентам или внешней угрозе, надежды и гордости за страну служат мобилизации электората, созданию образа «своего парня» или «сильного лидера» (самопрезентационная функция). Культурный контекст определяет допустимую степень эмоциональности: сравните сдержанный стиль североευропейских политиков и экспрессивный стиль некоторых латиноамериканских или российских. В медиа-дискурсе и цифровой коммуникации действуют свои законы. Новостной дискурс стремится к объективности, но эмоции проникают через отбор лексики («трагедия, кошмар, триумф, невиданный успех»), через прямые цитаты эмоциональных реплик очевидцев, через заголовки, построенные на эмоциональном воздействии (сенсационность). Цифровая коммуникация (соцсети, мессенджеры) характеризуется «обедненным» контекстом (отсутствует невербалика), что компенсируется Эмодзи и стикерами, выполняющими функцию быстрых эмоциональных маркеров, уточняющих иллокутивную силу текстового сообщения; вербальными средствами: Капслок (WRITING IN CAPS), повторение букв («ноооооормально»), пунктуация (многоточие, восклицательные знаки) служат для передачи эмоциональных оттенков — интенсивности, иронии, неуверенности. Здесь возникают особые прагматические риски: из-за отсутствия невербальных ключей легко возникает недопонимание, особенно в случае иронии и сарказма. Возникает феномен «тон-индикаторов» (tone indicators), таких как «/s» для сарказма или «/j» для

шутки — явных метакоммуникативных помет, компенсирующих отсутствие контекста.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что изучение речевых актов выражения эмоций исключительно в рамках семантики или риторики является неполным и упрощенным. Современная лингвистика, вооруженная прагматическим инструментарием, рассматривает ЭРА как комплексные, многофункциональные социальные действия, глубоко укорененные в контексте. Ключевые выводы: Прагматический приоритет: Основное значение ЭРА в коммуникации часто лежит не в информировании о внутреннем состоянии, а в осуществлении других интенций: регуляции поведения, социального взаимодействия, оценки, самопрезентации. Контекстуальная детерминация: Связь между языковой формой ЭРА и его прагматической функцией не является жесткой. Она гибко и динамично устанавливается в каждом акте коммуникации через призму ситуативных, социальных, культурных и когнитивных факторов контекста. Контекст — это не рамка, а активный участник создания смысла. Многофункциональность и косвенность: ЭРА редко бывают однозначными. Они выполняют «пучок» функций и часто реализуются через стратегии косвенности и имплицитности, требующие от адресата активной интерпретационной работы с опорой на контекстуальные ключи. Междисциплинарность исследования: Адекватное понимание природы ЭРА требует интеграции методов и знаний из лингвистической прагматики, социолингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики и теории коммуникации. Таким образом, прагматические функции речевых актов выражения эмоций представляют собой сложную и динамичную систему, находящуюся на пересечении языка, сознания, культуры и социального взаимодействия. Их изучение не только углубляет наши представления о механизмах языка, но и проливает свет на фундаментальные вопросы человеческой коммуникации и социальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браун, П., & Левинсон, С. Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка. — Cambridge University Press, 1987.
2. Каффи, К., & Джэнни, Р. В. На пути к прагматике эмоциональной коммуникации // Журнал прагматики. — 1994. — Т. 22, № 3-4. — С. 325-373.
3. Экман, П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. — Times Books, 2003.
4. Гоффман, Э. Формы разговора. — University of Pennsylvania Press, 1981.
5. Грайс, Г. П. Логика и разговор // В кн.: Коул, П., & Морган, Дж. Л. (Ред.). Синтаксис и семантика. Том 3: Речевые акты. — Academic Press, 1975. — С. 41-58.
6. Серль, Дж. Р. Речевые акты: очерк по философии языка. — Cambridge University Press, 1969.
7. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Язык в обществе. — 1976. — Т. 5, № 1. — С. 1-23.
8. Вежбицкая, А. Эмоции в языках и культурах: разнообразие и универсалии. — Cambridge University Press, 1999.
9. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций. — М.: Гнозис, 2008.

